

РАБСТВО (§ 6—11)

Раб в обычном понимании слова — это человек без средств производства, принадлежащий, что вещь, хозяину и работающий по принуждению. Знало ли Старое царство такое рабство?

Прежде всего хорошо будет выяснить, соответствовало ли что в староегипетском языке русскому слову «раб» в указанном понимании. На сопоставление напрашиваются два слова: *хъм* и *б'к*; посмотрим, по праву ли?

§ 6. *хъм*

В переносном употреблении слово *хъм* встречается в староегипетских надписях бесконечно часто. Оно заключено в храмовом жреческом звании «*хъм* божий», «*хъмт* божья». Употребляется это звание или без определений, или — что бывает особенно часто, а для женщин только и засвидетельствовано — с именами обслуживаемых городских божеств или мертвого царя, например: «*хъм* божий Птаха», «*хъм* божий *Вср-к'ф*», «*хъмт* божья Хатхор, владычица смоковницы». В такого рода званиях слово *хъм* встречается порой и без определения «божий», например «*хъм* Мина», «*хъм* Эссе». Почти так же часто, как в званиях храмовых жрецов, слово *хъм* попадается в надписях в другом жреческом звании, обозначении частных поминальных жрецов и жриц: «*хъм* двойника», «*хъмт* двойника». С указанием предмета почитания мы находим слово *хъм* и в личных именах, например «*Хъм-рс*» («*хъм* солнца»), «*Хъмт-рс*» («*хъмт* солнца»).

Если в именах *хъм* могло бы быть еще употреблено в смысле «раб» — в знак полной принадлежности или преданности именуемого своему божеству, — хотя и тут вполне возможно значение «слуга», в жреческих званиях последнее определение предпочтительнее. Конечно, царицы и царевны, царевичи и верховные сановники, вельможи, князья и княгини, сплошь и рядом состоявшие «*хъмв* божьими» в храмах, никогда не были храмовыми рабами, как не были ими и обыкновенные «*хъмв* божьи», бывшие очень часто чиновниками-совместителями, получившие за свою жреческую службу наделы и обрабатывав-

шие их руками «чади» (UAR:171=KDAR: против 23). Но и в переносном смысле «хъм божий» не значило «раб божий». В самом деле, если б жрецы считались «рабами божьими», ими должны были бы в еще большей степени считаться подневольные люди храма, однако их никогда так не называли. И это тем показательнее, что храмовые земли именовались «пашнею божьей» (UAR:171—172=KDAR:против 23), храмовое имущество — «вещью божьей» (UAR:170) и сама храмовая чадь входила в состав «жертв(енного достояния) божья», ср. титло «распорядитель поручен(ий) жертв(енного достояния) божья в чади (и) пашне» (SSKPMK:146 дважды).

Лучше подходит значение «слуга» к слову *хъм* и в звании поминальных жрецов. Звание «*хъм/хъмт* двойника» мы на каждом шагу находим у лиц состоятельных, с определенным положением в обществе, явно не бывших рабами частного лица (см. § 12). «Хъмв двойника» служили за вознаграждение, в частности получали в условное владение «пашню, людей, вещь всякую», были вольны переходить на другую работу (UAR:11—15, 36—37, 164), имели собственных слуг (UAR:12; см. ниже, с. 92). И если эти жрецы считались «рабами двойника», то почему же «*хъмв* двойника» никогда не назывались действительно подневольные люди, работавшие во «дворах двойника» и других владениях, выделенных в обеспечение поминальной службы? Ясно, что и для «*хъм/хъмт* двойника» передача «слуга/служанка двойника» предпочтительнее перевода «раб/рабыня двойника». Сходное словоупотребление наблюдается, по-видимому, и в следующем месте из гробницы *Pc-вр*: «[Нигогда не сказывал (я) вещи] всякой плохой (т. е. чего-либо дурного) против людей всяких [царю (или) *хъмв* его» (UAR:233). Надо полагать, что *хъмв* здесь не царские невольники, а слуги царя, царские сановники.

Ближе к понятию «раб» выражение «рабы царевы», обозначавшее, по всей видимости, уже в Старом царстве подвластное царю или государству, а не частным лицам земледельческое население. Но и эти «*хъмв* царевы», насколько позволяют судить о них скучные староегипетские данные, не были рабами в настоящем смысле (см. § 3, 5).

Только в четырех из известных мне случаев употребление слова *хъм* в староегипетских надписях им могли быть обозначены действительно рабы, но и то лишь могли быть обозначены, так как возможно и другое понимание.

На изображении «дома затвора» (см. § 26) в гробнице *И-н-нферт* одна из работниц, занятая просеванием толченых (?) фиников через сито, снабжена такою припискою: «Очистка (?) финик(ов). *Хъмт*» (AeGGASK:VI=27).

Чтение «*хъмт*» как будто бесспорно, однако значение «рабыня» возможно, но не обязательно. Некоторые из каменных изваяний молотильщиков или пивоварок, т. е. работниц, выполняющих работы «дома затвора», надписаны «джт такого-то такая».

то» (SSKPMK:86=ZASA XXXV:122=MAE:233; SSKPMK:89=ZASA XXXV:122; SSKPMK:91=MAE:234). Слово же *джи* значило не «раб», а просто человек лично такого-то и могло прилагаться к людям, заведомо не бывшим рабами (см. § 2, 5). И четвертое изваяние, неотделимое от тех трех, изображало поминального жреца, состоявшего тоже «джи» (т. е. собственным человеком) распорядителя дома белого (т. е. казнохранилища) *Ирн-вр*, «слугу двойника К'-м-къд» (SSKPMK:91=ZASA XXXV:119=MAE:234). Какими «рабами» были «хъмв двойника», нам только что доводилось говорить.

Второе возможное упоминание *хъмв* в смысле «рабы» содержится в указе одного из последних царей IV дома касательно обеспечения поминальной службы по умершему предшественнику *Mн-к'в-рс*. К несчастью, от указа сохранились одни обломки:

«Хор честной большой».

Год царствования после раза первого счета быков (и) мелкого скота — — —.

Сотворено в присутствии царя самого.

Царь (и) государь *Шпс-к'*[.ф] сотворил как памятник свой царю (и) государю [*Мн-к'в-р^с*—жив он вечно!—] жертву —— в (пирамиде). Божествен *Мн-к'в-р^с*.

— [Что] до жертвы — положено

— — — — —, за который жречествуют, вечно.

— — — — — руководство (или: поручение) его всякое, вечно („вечно“ выписано один раз под обеими отвесными строками).

— — — — (пирамида) „Божествен *Mn-k'v-p^c*“.

— — — — — ТЯЖКО — — — — —

— — — — — (пирамида) „Божествен *Mn-k'v-p^c*“. Не дал

— — — — — им x_3m (или: для них x_3m) — — — — —.

[Сотворило величество его это из жела]ния, чтобы крепки
были (жрецы-)чистители его(?) [в долготу вечности]»
(UAR:160=KDAK: против 16).

Несмотря на плачевное состояние памятника, можно все-таки уловить общее его содержание. Речь шла не об одних жертвах поконившемуся в своей пирамиде *Mn-k'v-r^c*, но и об обеспечении служившего при ней — в ее поминальном храме — жречества. Жрецам обеспечивалось что-то, «за которое» они жречествовали, притом «навечно», и царь не дозволял («не давал») делать что-то в ущерб своим установлениям. Жрецам обеспечивалась, очевидно, и рабочая сила (*x̥m^b*), и делал все это царь с целью вечного(?) обеспечения жрецов мертвого фараона. Заключительное заявление имеет в виду не крепость жрецов пирамиде — для этого употреблен был бы другой глагол, скажем *mн*, но никак не *nxt*, выражавший телесную крепость, силу, но не пребывание за кем-либо или за чем-либо. В перенос-

ном смысле *нхт* могло означать «быть обеспеченным, состоятельным», потому что производный от него глагол *снхт* определенно обозначал в староегипетском «укреплять» в смысле «обеспечивать, обогащать»¹. Князь областей Горы змеи и Земли великой *Ибий* говорит в своей гробнице, что то-то и то-то имело место, «когда (был) я властелем двора дома затвора пашни сот 203 (1 сот≈2735 кв. м), дан[ной мне] величеством владыки (моего), чтобы укрепить (меня)» (UAR:144). В письме на тот свет конца VI царского дома вдова и сын жалуются умершему: «Смотри же, *В'бвт* пришла с *Иссий*. Разорил(а?) дом твой, взяла она вещь всякую, бывшую в нем, чтобы укрепить *Иссий*: возлюбили они сделать убогим сына твоего укреплением сына *Иссий*» (ELDMOMK:I=I A).

Очевидно, «крепости» или обеспеченности жречества *Мн-к'в-р^с* служило и мероприятие касательно *хъмв*, мужчин и женщин, судя по двойному сопроводительному знаку мужчины и женщины. В чем заключалась эта мера, при нынешнем состоянии надписи точно определить нельзя. Можно, однако, предположить, судя по родственным памятникам, только одно из двух: либо царь ограждал людей самих жрецов от посягательств со стороны, либо давал жрецам своих людей, обеспечивая опять-таки их неприкословенность. В подкрепление первого предположения можно было бы сослаться на завещание из гробницы ныне безымянного сановника, где возвращается брат у поминальных жрецов не только их братьев и сестер, но также их работников, причем последние, как собственные люди жрецов, отличаются от людей, даваемых завещателем в условное владение за поминальную службу (перевод соответствующей надписи см. в § 12; UAR:11—15). В подтверждение второй догадки можно указать на то же завещание, поскольку в нем неоднократно говорится о «пашне, люде, вещи всякой», данных поминальным жрецам в их личное пользование на договорных началах (UAR:12—14), и в особенности на обельную грамоту *Нфр-йр-к'-р^с*, приведенную в § 12 и охраняющую челядь, работающую на храмовой пашне, выделенной жрецам за службу (UAR:171 = KDAr:против 23).

Людей, названных «работниками» или «рабами» (*б'к*) и находившихся у таких нечиновных людей, как простые поминальные жрецы частного лица, естественно, конечно, счесть за настоящих рабов. Работников, данных тем же поминальным жрецам в условное пользование работодателем, несмотря на то что они обозначены иначе, чем собственные работники жрецов (те — «рабы», эти же — «люди», притом в трех местах надписи), тоже нетрудно принять за подлинных рабов. Сделать это тем легче, что давали «людей» за службу таким мелким служащим, несомненно, в очень небольшом количестве, только

¹ Gardiner A. H., Sethe K. Egyptian Letters to the Dead Mainly from the Old and Middle Kingdoms. L., 1928, c. 12; Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 4, c. 170.

единицы, и положение таких людей было таково, что их на деле можно было продать (предусматривая такую возможность, завещатель именно и запрещает отчуждать их, как данных лишь в условное владение, при условии отправления поминальной службы — UAR:12). Несколько труднее признать частновладельческими рабами ту «чадь», которая работала на храмовых жрецов на храмовой земле:

«Не дал (я, т. е. царь) быть властну человеку всякому взять чадь всякую, которая на пашне божьей всякой, жречествуют за которую слуги божьи (т. е. жрецы) всякие, на деятельность и работу всякую области» (UAR:171). «(Что) до человека всякого области, что возьмет чадь, которая на пашне божьей, на деятельность и работу всякую области, направиши ты (т. е. сановник-получатель указа) его в дом-заповедник (т. е. пекарню-пивоварню, см. § 26) двора божья, (причем) помещен будет [сам] он на дело [всякое], [и]ли место пахоты ячменя — — — — (UAR:172 = KDAr:против 23; подчеркнутое здесь и в предыдущем отрывке — общее нескольким местам надписи, но выписанное единожды). Обозначение чади не как принадлежащей жрецам, а как той, «которая на пашне божьей», делает вероятным, что речь идет о храмовых, а не частных или по меньшей мере в большинстве своем не частных работниках. Храмовую же рабочую силу, как и вообще рабочую силу крупных владений Старого царства, мы не можем считать рабами в точном значении этого слова (см. § 2, 5). Тем самым общественное положение *хъмв* указа Шпсс-к'.ф остается неясным, и они могли быть *хъмв* царя, отदанными лишь в услугение жречеству.

Третий и четвертый случаи возможного употребления слова *хъм* для обозначения настоящих рабов находятся в надписях пирамид², строго говоря, в разночтениях двух из них для одного и того же заклинания. Там, где в одной пирамиде стоит «Пища для *симв*», в двух других значится: «Вещ(и) для *хъмв*» (AP:№ 561). Что слово «вещ(и)» значит тут «яства», ясно из сопроводительных изобразительных знаков: хлебов и сосуда с пивом³. Смысл слова *хъм* в этом заклинании стал бы, возможно, яснее, если бы можно было установить смысл разночтения *симв*. Последнее употреблено еще раз в сходном пирамидном заклинании AP:№ 571: «[Сказывание слов. Вещ(и)] (сопроводительные знаки хлебов и пива) для *симв*, веш(и) (те же сопроводительные знаки) для столба (??, *йвн*) — — — —». В другой связи, по-видимому, то же слово встречается в пирамидах дважды в одном и том же обороте: «чашник (вдпв) богов, *симв* (*симв*) небесного народа»

² Насколько я помню, на упоминание «рабов» в пирамидах обратил внимание еще М. А. Шер.

³ Ср.: Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 1, с. 124: «Speisen, Mahlzeit».

(AP:№ 565, 559). Подходящих староегипетских существительных корня *сшм* «вести» в словаре нет; «водитель» в смысле «руководитель»⁴ и «ведущий (рабочий скот сеятель)»⁵ не подходят к пирамидным местам, где разнотечение *хъмв* и соседнее «чашник» требуют слова *сшм* со значением вроде «служитель», а связь с яствами исключает «вожака (=селятеля)». Ключ к пониманию *сшмв* дают, однако, сами же пирамидные надписи:

«О боги небосклонные! Помещаете вы его (т. е. мертвого царя) в поле жертв. Дали вы блаженну быть ему среди блаженных (мертвых), дали вы властну быть ему среди богов. Сотворяет он вам обед великий, приношение большое. Проходит он небо, ведет *Пий* тех, что в поселениях» (AP:№ 879—881).

«(Носилки) Великий... (и) носилки Предстоящего западным (т. е. мертвым), дают они тебе (т. е. мертвому царю) воду в (праздники) главизн (т. е. начал) месячных, в (праздники) главизн полумесячных. Даешь ты великим, ведешь ты малых. Два ребра тебе с бойни Предстоящего западным в качестве твоем владыки (бытия в) чести» (AP:№ 811). Во втором заклинании «ведешь», имеющее прямое соответствие в «даешь», предваряемое спереди заявлением о жертве-питье и сопровождаемое сзади пожеланием мяса, несомненно, тоже касается пищи. В первом заклинании связь слова «ведет» с пищей менее очевидна, но предшествующие заверения касательно устройства умершим своим небесным благодетелям, поместившим его в сытное поле жертв, богатого угощения заставляют подозревать, что и заключительные слова имеют отношение к еде. В самом деле, упоминание здесь водительства мертвого царя по отношению к жителям поселений в смысле руководства или управления было бы неуместным.

В словаре для глагола *сшм* «вести» указаны, между прочим, такие значения: «препровождать кого-нибудь [к еде] = обеспечивать его едою. Пирамиды; греческое время»⁶; «препровождать, направлять что-нибудь кому-нибудь.— Особенno: а) направлять, подносить жертвы, кушанья. Также с *и*: кому-нибудь» и т. д.; «без объекта... с *и* лица:... б) кому-нибудь приносить в дар» и т. д.⁷ Ср. там же среднеегипетское существительное *сшм*: «как выражение в расчетах: „распределение“ или сходное. Особенno также в сочетании:... „распределение из этого количества [т. е. из указанных до того поступлений]“»⁸. Первое из только что приведенных особых значений глагола *сшм* как нельзя лучше подходит к обоим местам из пирамид-

⁴ Там же, Bd. 4, с. 288.

⁵ Там же, с. 289.

⁶ Там же, с. 286.

⁷ Там же, с. 287.

⁸ Там же, с. 290; подробнее об этом среднеегипетском *сшм* см.: Scharff A. Ein Rechnungsbuch des Königlichen Hofes aus der 13. Dynastie (Papyrus-Boulaq № 18).— ZASA. 1922, Bd. 57, с. 51—68.

ных надписей: «даешь ты великим, ведешь (к еде) малых», «ведет (к еде) Пий тех, что в поселениях». Смысл этих выражений превосходно поясняет гробница *K'-гм.н.(й)*, где выдача рыбы из имевшего места улова рабочим дружинам через посредство их начальства названа «отведение (сшм.т, т. е. распределение) рыбы соединению дома собственного» (MG I:XX—XXI и 20; подробнее об этом изображении см. § 32).

У *K'-гм.н.(й)* в числе получателей рыбы мы видим не только четверых «распорядителей ватаг» и шестерых «наставников ватаг», принимающих рыбу, но и двух мужчин, наверное рядовых ватажников, уносящих ее с возгласом: «Насыщены мы». Эти двое являются, таким образом, непосредственными доставщиками выданной работникам пищи. Доставщиков пищи работникам мы видим и на других гробничных изображениях: в гробнице *Ибий* суму с чем-то и корзину с пивом мужчина с нечиновным обличьем несет медникам, золотарям, изготовителям украшений из ценного камня (RTDG I:XIII—XIV), ср. также чиновное (?) лицо, доставившее жнецам птиц, молоко и теленка, в гробнице *Пий-снх* Среднего (RTM IV:XIV) и довольно частый возглас жнецов: «Пиво ко (мне). Жну (я) ячмень (для пива)» (гробницы *Пий-снх* Среднего, RTM IV:XIV; Mpp-в(й)-к', MM II:CLXVIII; *Xътп-хър-хт*, DAR:XXI=MAE:347). В гробнице *Пий-снх* изображены трое мужчин нечиновного вида, несущие всевозможную снедь медникам, ваятелям, изготовителям каменной посуды и украшений, а спереди написано: «Доставка вещей (т. е. яств, с определителем хлеба) мастерам» (RTM IV:XVI).

Однако *симв* пирамидных надписей не могут быть доставщиками или «препроводителями» пищи работникам. Во-первых, в вельможеских гробницах нет никаких указаний, что доставщики составляли особый разряд работников, а не были теми же производителями, случайно, на данный раз, выделенными для доставки пищи; чиновное, судя по выступающему переднику, лицо у *Пий-снх* Среднего названо не *симв*, а «честным (мужем) царевым Тий-снх». Во-вторых, «водители» пирамидных надписей доводят не пищу до питаемых, а питаемых до пищи, иначе — «ведение» имеет своим предметом людей, а не еду: царь «ведет» малых, царь «ведет» обитателей поселений. При этом «ведению» подвергаются одни низкопоставленные, «малые» да поселяне: «великих» не «ведут», «великим» «дают». Соответственно и служебное обозначение *симв* «водитель» приложено в пирамидах дважды к лицу, кормящему «(небесный) народ», тогда как у владетельных небожителей соответствующее лицо оказывается оба раза «чашником»: «чашник богов, водитель (небесного) народа» (в одном из пирамидных заклинаний мы находим еще «чашника Хора», AP:№ 560). Таким образом, в «водителях» можно видеть лиц, «приводивших» подчиненных получать еду. О приводе целого соединения для наделения, правда, не пищею, но одеждою мы читаем в

письмеце из каменоломен: «Было доставлено писание привратного судьи (т. е. главного судьи), правителя (т. е. верховного сановника) рабу (*б'к*) там, чтобы доставить соединение отрядов *P'-в* (т. е. каменоломен супротив Мэнфе), чтобы одеть обок (с) ним (т. е. в его присутствии)...» (ASAЕ XXV:242—255=JEA XIII:75; полный перевод см. в § 7). Однако из пирамидных надписей следует, что «водители» не только приводили своих людей за пищей, но снабжали их ею, давали им ее. Слова «вещ(и) (т. е. яства) водителям» будут, таким образом, означать скорее, что еда дана «водителям» для передачи, чем то, что она дана в их пользу. Это было бы и последовательнее под углом зрения задач пирамидных заклинаний, преследовавших одну цель: благополучие властителя, а не благополучие его слуг.

Надписи в двух других пирамидах видоизменяют «вещи водителям» в «вещи *хъмв*», тем самым приравнивая *хъмв* к «водителям». Очевидно, яства передавались *хъмв* для приготовления или подачи. Заниматься этим могли, естественно, обычные служители, которым для этого совсем необязательно было быть невольниками. Поэтому, выходит, и пирамидные надписи под *хъмв* могли подразумевать не рабов и даже не производителей, а слуг вообще.

В заключение еще один случай употребления слова *хъм* в Старом царстве, позволяющий как будто косвенно заключить о рабовладельческом содержании этого слова. В гробнице упомянут некий «*хъм* двойника, распорядитель полотна *Хъм-нб.ф*» (МАЕ:381). Конечно, нет причины считать этого поминального жреца (о положении таковых см. выше и в § 12), заведующего вельможеским бельем, невольником, но и имя его любопытно, так как значит «*хъм* владыки своего». Поскольку «владыка» означало также «владелец», «хозяин», может показаться на первый взгляд соблазнительным понять это имя как «раб своего хозяина». Однако, вдумавшись, нетрудно заметить бессодержательность такого перевода, если под «рабом» понимать невольника. В самом деле, что значило бы «невольник своего хозяина», какое полезное последнему качество так названного или какую его добродетель выражало бы оно? Всякий невольник есть невольник своего хозяина уже в силу того, что он невольник, и такое имя походило бы на пустословие. Иное дело, если *хъм* значило здесь «слуга»: «слуга владыки своего», исправный и рачительный, это уже дает смысл. Но еще осмысленнее зазвучит имя, если мы вспомним, что *хъмв*, слугами царя обозначались его сановники. «Слуга» в смысле «исполнителя, проводника воли» «владыки своего», его «доверенного» — выразительное имя для вельможного приспешника. А что такое толкование недалеко от истины, на то указывает как будто сопроводительный знак-изображение к слову *хъм* внутри нашего имени: сидящий мужчина с лопатообразным жезлом в руке. Подобные жезлы — деревянный образчик такого рода

был найден в одной гробнице (G III:226—227) — служили всегда знаком известной власти над людьми или хотя бы над животными (см. § 15—17).

§ 7. б'к

В переносном употреблении слово *б'к* встречается в староегипетских надписях несознанно реже, чем *хъм*, потому что совершенно отсутствует в титлах и лишь в виде исключения бывает в именах. Зато внетитловое и внеименное употребление слова *б'к* в переносном смысле представлено хорошо, много лучше соответственного употребления слова *хъм*. При этом замечательно, что в отличие от *хъм* в любых его переносных значениях употребленному в переносном смысле староегипетскому *б'к* почти всегда присущ оттенок приниженности.

Самоуничижительное обозначение себя в письмах как «*б'к там*» вроде русского «Ваш покорнейший слуга» было принятым уже в Старом царстве. Так, военачальник, распоряжавшийся при VI царском дому в каменоломнях подле столицы, писал еще более высокопоставленному, чем он сам:

«Распорядитель войска сказывает: Было доставлено писание привратного судьи (т. е. главного судьи), правителя (т. е. верховного сановника) *б'к там* (о том), что доставить соединение отрядов *P'-в* (т. е. каменоломен против Мэнфе), чтобы одеть обок (с) ним (т. е. в присутствии его)..., а *б'к там* говорит против требования... ущерб работе это в руке *б'к там...* Сказывает *б'к там*: Дай знать тому, кто при свите» (письмо на папирусе, ASAE XXV:242—255=JEA XIII:75—78). Неуничижительными самообозначениями в письмах служили в конце Старого царства «писец там» и — для родни — «сын твой там» (ELDMOMK:II=II A), «брать твой там» (HPKMB:II—III=JEA XXVIII:17=ХДИТ:1—2).

Самообозначение «*б'к там*» встречается и вне писем. Областной князь Иэба *С'б.н.й* в обстоятельном повествовании о своем путешествии за южный рубеж государства называет себя так несколько раз, но только к концу рассказа, когда речь заходит о царе и его милости к отличившемуся путешественнику: «Пожаловали *б'к там* в величестве дворца. И *б'к там* [восслав]ил (?) бога (?) в пользу (?) царя, ради величины пожалования [*б'*]к там властелином (?), коего сопровождал (т. е. обслуживал?) (я) (?)... И сказал (?) — — — *б'к(у?) там...* Дали (мн)е пашни сот (1 сот — свыше 2700 кв. м) в Земле низовья (и) Верховье как *хнт-ш* (пирамиды) „Пребывает (и) жив *Нфр-к'-рс*“ — — —, чтобы пожаловать *б'к там*» (гробница *С'б.н.й*, UAR:139—140).

Также и другой именитый путешественник — областной князь Иэба *Хв.ф-хър* в длинном своем гробничном рассказе о странствованиях называет себя «*б'к там*» только тогда, когда начинает говорить о возвращении из-за южного рубежа ко

двору: «И поплыл вниз по течению б'к там к (царскому) мештожительству» (UAR:127).

Заискивающим скромничаньем отдает зачисление себя в б'кв большими господами, когда они в своих усыпальницах просят посетителей прочесть для них поминальное заклинание.

Князь и видный придворный *Ний-пайй* взвывает: «О живые, что на земле, б'кв, подобные мне, что будут сопровождать (т. е. обслуживать) бога (вероятно, местного бога Эбота), что скажут: тысяча хлебом, тысяча пивом, тысяча быками, тысяча птицею князю исправному... предводителю (по части) (царского) седалища (в столовой), предводителю (по части) черного сосуда (у царя же), (царскому) другу единственному, приставнику венца (при облачении царя) *Ний-пайй*» (UAR:112).

Тому вторит областной князь *Джсв*: «О живые, что на земле, б'кв, подобные мне! Любимые царем это, жалуемые богом их городским, те, что скажут: тысяча хлебом, пивом, быками, птицею, алавастро(выми сосудами с умашением), одеждю *Джсв*, сыну *Джсв*» (UAR:147).

В своих гробничных жизнеописаниях вельможи тоже неоднократно выставляют себя б'к. Иногда самоунижение явственно не выражено.

Крупнейший сановник *Вний* пишет: «[Поставило меня величество] его судьею, приставником (города) *Нхн* — сердце его полно было (мною) (т. е. он полагался на меня) больше, чем б'к (другим) всяkim» (UAR:99).

С'бв, по прозванию *Ибб*, представлял себя так: «Современник сына солнца *Ттй*, величайший (из) предводителей мастеров, честимый царем больше б'к (другого) всякого в тайне (т. е. хитрости) работы всякой, кою облюбовало величество его сотворить, сдабривающий (т. е. осчастливляющий) сердце владыки своего повседневно, великий (среди) предводителей мастеров *С'бв*» (UAR:82) и далее: «Современник сына солнца *Ттй* — жив он вечно! — величайший (из) предводителей мастеров, честимый царем больше б'к (другого) всякого, (когда) спускался он в корабль всякий, обеспечивавший охрану, (когда) вступал он на дороги дворца верхового в праздники всякие (царского) воссияния, великий (среди) предводителей мастеров, верховный жрец солнца *С'бв*» (UAR:83; сходное, но для царствования *Внийс*, UAR:81).

И то и другое заявления были сделаны уже за несколько царствований раньше царским зятем *Птхъ-шпсс* (UAR:52), который добавляет: «Честимый царем больше б'к (другого) всякого, (когда) спускался он в (корабле) „Возносящий богов“ в праздники всякие (царского) воссияния, возлюбленный владыки своего, *Птхъ-шпсс*» (UAR:53), а до того еще: «[Честимый царем больше б'к (другого) всякого. А пожаловало его величество его за вещь: дало величество его лобзать ему ногу свою, не давало величество его лобзать ему землю — *Птхъ-шпсс*» (UAR:52—53).

Но и для такого маловыразительного словоупотребления показательно, что, когда вельможа, тот же самый *Птхъ-шпсс*, столько раз называвший себя *б'к*, говорил о себе как родне фараона, место *б'к* занимал «человек»: «Дало ему величество его дочь цареву старшую *Хс-м'ст* в жену его — возлюбил величество его, (чтоб) была она с ним больше, чем (с) человеком (другим) всяkim, *Птхъ-шпсс*» (UAR:52).

К тому же «маловыразительное» употребление слова *б'к* чередуется с вполне выразительным и самоуничижительным, так что имеются все основания полагать, что самоуничижительный привкус был присущ этому слову и там, где он не был оттенен намеренно. *С'бе*, по прозванию *Ибб*, пишет: «А пожаловало меня величество его: дало величество его входить (мне) во внутренние покой. Дал он * во всем, в чем находил (я) дорогу. Никогда не было сотворено подобного *б'к* всякому, подобному (мне), властелином, владыкой (моим), потому что любил меня величество его больше *б'к* своего (другого) всякого ради творения жалуемого им повседневно, потому что был (я в) чести в сердце его; горазд был я у величества его — находил (я) дорогу в хитрости (т. е. хитром деле) всякой (царского) местожительства, честимый величеством его» (UAR:83—84).

Особенно часты уничижительные замечания касательно *б'кв* у *Внй*: «[Ист]ребовал я из руки величества владыки (моего), (чтобы) доставили (мн)e камня белого гроб из (каменоломен) *P'-в* (против Мэнфе). Дало величество его пересечь (реку) казнохранителю бога (т. е. фараона) с соединением снарядителя (т. е. начальника) корабля под рукою его, чтобы доставить (мн)e гроб этот из *P'-в*. Прибыл он с ним на грузовом судне большом (царского) местожительства с дверью (т. е. крышкой) [свою], ... 1 плитой для возлияний. Никогда не было сотворено подобного *б'к* (другому) всякому. А был горазд (я) в сердце (т. е. в представлении) величества его, был приятен (?) (я) сердцу величества его, полно было сердце величества его (мн)ою (т. е. полагалось на меня)» (UAR:99—100).

«Послало меня величество его впереди войска этого... Открыто было (мн)e число соединений этих. Никогда не открывали *б'к* (другому) всякому» (UAR:102—103).

«(Когда) был (я) спальником (?) двора большого (т. е. дворца) (и) носителем (царской) обуви, поставил меня царь (и) государь *Мр-н-р^с*, владыка (мой), — жив он вечно! — князь, распорядителем Верховья, впереди (т. е. на юге) до Иэба, на севере в *Мнджйт*, потому что горазд был (я) в сердце (т. е. представлении) величества его, потому что приятен (?) был (я) сердцу величества его, потому что полно было сердце величества его (мн)ою (т. е. полагалось на меня). Когда (я)

* Ю. Я. Перепелкин оставил без перевода слово *снхв*. Примерный смысл его ясен — «жизненный успех».

был спальником (?) (и) носителем (царской) обуви, жаловало меня величество его за бдительность, за обеспечение охраны, сотворявшееся мною на месте остановки (в пути), больше сановника его всякого, больше знатного [его всякого], больше б'к его всякого. Никогда не была сотворена должность эта (распорядителя Верховья) б'к всякому искони» (UAR:105—106).

Сопоставление б'к с сановником (*ср*) и знатным мы находим у *Внй* еще дважды: «Слушал (я) весть, будучи один с верховным судьею-правителем в тайне всякой ——— именем царя, женского дома царева, 6 дворов великих (судебных), потому что полно было сердце величества его (мн)ою больше, чем сановником его всяким, больше, чем знатным его всяким, больше, чем б'к его всяким (т. е. полагалось на меня больше, чем на таких-то)» (UAR:99).

«Вели дело в женском доме царевом против жены царевой, великой * втайне. Дало (распоряжение) величество его спуститься мне, чтобы слушать, будучи одним — не было при-вратного судьи (т. е. главного судьи), правителя всякого, сановника всякого тут, кроме (меня) одного, потому что горазд был (я), потому что приятен (?) был (я) сердцу величества его, потому что исполнило величество его сердце свое (мн)ою (т. е. полагалось на меня). Я (был) претворявшим в письмо (т. е. ведшим запись), будучи один, с судьею-приставленником (города) *Ххн* одним, а должность (моя) была — распоряди-тель хнт-ш дома большого (т. е. дворца). Никогда подобный (мне) не слушал тайны дома женского царева искони, однако дало (распоряжение) величество его слушать (мне), потому что горазд был (я) в сердце (т. е. в представлении) величес-ства его больше, чем сановник его всякий, больше, чем знатный его всякий, больше, чем б'к его всякий» (UAR:100—101).

Слова «Никогда подобный (мне) не слушал тайны дома женского царева искони», сопоставленные с приведенными раньше заявлениями той же надписи: «Никогда не было сотво-reno подобного б'к всякому», «Никогда не открывали (числа соединений) б'к всякому искони», «Никогда не была сотворена долж-ность эта б'к всякому искони», еще отчетливее выделяют само-уничтожительный смысл б'к в подобных местах у *Внй* и других сановников. Упорное помещение б'к после «сановника» и «знатного» также указывает на скромное общественное положение. Надо, однако, отметить, что ни в одном из приведенных переносных употреблений б'к не должно обязательно значить «раб» (фараона); значение «слуга, служащий» не только по-всюду вполне приемлемо, но иногда прямо предпочтительней. То же можно сказать о следующем сравнении. Царевичу *К'-м-чинт*, очевидно, от имени его отца, фараона *Иссий*, говорится в гробничной надписи: «—— сотворением тебе вещи

---

* Чтение пропущено, вероятно, из-за уникальности словосочетания.

всякой, сотворяемой б'к, любимому владыкой своим» (UAR: 182). Правда, слово «владыка», значащее по-египетски и «владелец», могло бы предрасположить к переводу здесь б'к как «раб», однако и «слуга, любимый своим господином» дает хороший смысл и даже определенно предпочтительнее, так как нб «владыка» написано с сопроводительным знаком сокола на переносной подставке, т. е. относилось к лицу, почитавшемуся за божественное, именно к фараону.

Иначе обстоит дело с непереносным употреблением слова б'к и особенно производного от него глагола б'к «порабощать». В двойной надписи в своей гробнице судебный чиновник и военачальник Хев-вр говорит о себе: «Я — приводящий мир, сотворивший бытие в чести, возлюбленный отца своего, возлюбленный матери своей, состоящий в чести у тех, кто с ним (т. е. у своих товарищей), сладостный для братьев (и сестер) своих, возлюбленный б'кв своих, который никогда не сотворил при (?) с людьми всякими» (UAR:46—47).

Перевод б'к словом «раб» здесь сам собою отнюдь не напрашивается, но в завещании или распоряжении касательно поминальных жрецов некоего неизвестного нам по имени придворного такой перевод достаточно естествен: «Не даю (я) властными быть — [братьям (моим)], сестрам (моим), отпрыскам (моим) всяким, наставникам слуг двойника (т. е. поминальных жрецов), надсмотрщикам слуг двойника [в] — [паши(е?)], люд(е?), вещ(и?) всякой, сотворенных (мн)ою им (т. е. поминальным жрецам), чтобы возглашать (т. е. приносить поминальную жертву) мне с помощью (того), в б'кв (мужского рода) и[х], [б'квт (женского рода) их, в] братьях их, сестрах их помимо возглашения мне [с помощью (того) на том, что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды), в] гробнице (моей) собственной, которая в (месте пирамиды) „Велик X^c.ф-р^c“, согласно тому, как предназначил (?) (я) пащю, люд, [вещь всякую, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать (мне)] с помощью того. Не дал (я) властну быть слуге двойника всякому личному (моему) (от)дать пащю, люд, [вещь всякую, сотворенные (мн)ою им, чтобы возглашать мне] с помощью (того), в возмещение (т. е. продать в оплату за что-то) людям всяким, (от)дать по завещанию людям всяким, кроме как если дад[ут они детям своим], или тому, кто поделится (в отправлении поминальной службы) со слугою двойника определенным (?) из слуг двойника этих» (UAR:11—13).

К выделенным в условное владение поминальным жрецам — в оплату за службу — пахотной земле, людям и «вещи всякой» завещатель возвращается еще дважды в своей надписи:

«(Что) до слуги двойника всякого личного (моего), что вчинит вещь (т. е. дело) против сотоварища своего, (причем) сотворит грамоту подложную (?) против слуги двойника, [(дабы) отвратить надел], что под ним, ради нее, взяты будут

из руки его пашня, люд, вещь всякая, данные (мн)ою ему, чтобы возглашать мне с по[мощью] (того) — — —» (UAR:13).

«(Если) выйдет он (т. е. поминальный жрец всякий) на другую службу, надел, что под ним, (будет) (жреческой) череде, при котор[ой] он (состоял) — — — —] пашни, люда, вещи всякой, соторенных (мною) им, чтобы возглашать мне с помощью (того) в гробнице (моей), которая на [том, что под богом (т. е. на кладбище у подножия царской пирамиды) в (месте пирамиды) „Велик Х^с.ф-р^с“]...» (UAR:13—14).

Таким образом, согласно завещанию, у поминальных жрецов вельможи могли быть работники двух родов. Одни работники — это те «люди», которых вельможа выделяет жрецам за службу вместе с землею и «вещью всякою» и которыми тем могут пользоваться, пока состоят на службе: при уходе жреца с нее люди вместе с недвижимостью и движимостью отходят к той череде поминальных жрецов вельможи, по которой жрец числился,— очевидно, для передачи тому, кто заступит ушедшего. Эти «люди», несомненно, подневольные, притом совершенно порабощенные и глубоко бесправные, так как частное лицо не только выделяет их вместе с землею и вещами из своего достояния в обеспечение навеки своей личной поминальной службы, но и запрещает завещать их на сторону и — что особенно важно — продавать. Иначе — эти «люди» или настоящие рабы, или совсем близки к ним. Но эти «люди» принадлежат работодателю, однако у поминальных жрецов имеются и свои работники, названные особо от «людей», выделенных в условное владение вельможею. В отличие от тех они обозначены не словом *рмч* «люди», а словами *б'к* и, вероятно, *б'кт* (женское производное от *б'к*); что в пробеле стояло *б'кт*, весьма вероятно ввиду последующего «братья их, сестры их», где налицо именно чередование мужского и женского обозначений от одного корня (*снв.сн*, *снvt.сн*). Что братья и сестры проживали часто в полузаисимом положении при состоятельных братьях, показано в ЧСПЕСЦ:25—33. При обычай наследования отцовского имущества старшим сыном такие обделенные братья и сестры, приживальщики, исполнявшие те или иные поручения старшего брата, должны были быть обычным явлением. Но кто *б'к* и [*б'кт*], упомянутые перед братьями и сестрами?

Малоправдоподобно, чтобы у таких скромных частных служащих, как поминальные жрецы (см. о них § 12), были вольнонаемные же служащие. Это выглядело бы тем страннее, что работодатель передавал в распоряжение поминальных жрецов подневольную рабочую силу. Да и сам запрет завещателя своей родне и начальству поминальных жрецов пользоваться собственными работниками последних предполагает как будто более тесную связь между ними и их работниками, чем вольный наем, и невозможность для этих работников свободно распоряжаться собою. Тем самым всего проще и естественнее предпо-

ложить, что собственные *б'к* и [*б'кт*] поминальных жрецов были их рабами.

«Порабощать» в точном смысле слова означал, по всей видимости, и глагол *б'к*, одного корня с существительными *б'к* и *б'кт*.

Обращаясь к «людям всем Горы змеи», области, которую он правил, а затем и к «гл[авам большим (т. е. областеначальникам)] других областей» и «тем, кто пройдут мимо гробницы», князь *Хънкв* писал в ней на самом исходе Старого царства: «Я — состоящий в чести, возлюбленный отцов, жалуемый матерей, погребатель старцев, разрешавший си[рот] ваших — — —, влекший вас поверху протока (?), защищавший вас в палате сановников (судей?). Никогда не порабощал (я) дочери одного из вас — — — — — руки ее ко (мне). Не налагал я пут (ни) на одного — — — — — в месте этом, в котором я (был)» (UAR:76—77=RTDG II:XXIV—XXV).

Местоимение «вы» имеет здесь в виду, несомненно, население области, где княжил *Хънкв*, притом то население, которое порабощать можно было только незаконным образом, иначе — нерабское население. Слову «порабощать» придан сопроводительный знак — изображеньице, зрительным способом намекающий на смысл глагола. Это изображение сидящей женщины с чертою поперек шеи — скобою или каким другим видимым признаком порабощения. То обстоятельство, что заявить: «Никогда не порабощал (я) дочери одного из вас» — пришло на ум составителю надписи после объявления себя защитником населения в палате сановников, наводит на мысль, что князь оправдывался перед подданными в незаконном порабощении их дочерей при содействии продажных судов или управлений. Как бы то ни было, знак женщины с перекладиной поперек шеи слишком красноречив, чтобы здесь можно было бы под глаголом *б'к* разуметь что-нибудь другое, как «превращать в раба», «порабощать» в самом точном смысле.

Немногим раньше глагол *б'к* подобным же образом употребил в своем гробничном жизнеописании *Мрай-р^с-мрай-птхъ-снх*. Рассказывая о своих молодых годах, проведенных при старшем брате, он так описывает свое хозяйствование в его владении:

«И назначили его (т. е. старшего брата) топорщиком царевым — строителем, (и я) властвовал [для] него (над) городцом (т. е. управлял принадлежащей брату деревней) — творил (я) для него вещь всякую (т. е. всё) в нем (т. е. в городе) гораздо.

И назначили его другом (царевым) единственным (высокий придворный чин), топорщиком царевым — строителем в обоих домах (т. е. в обеих половинах царства), (и я) считал для него им[ущество]ство его всякое — (в) большо(м числе была) вещь в доме (т. е. хозяйстве) его против дома (другого) сановника всякого.

И назначили его распорядителем работ, (и я) повторял

(т. е. передавал) речь его всякую там согласно с тем, за что он жаловал (т. е. к полному его удовлетворению).

И вот [чита]л (я) для него вещь в доме собственном его, сроком (в) 20 лет.

Никогда не был я человека всякого там до (того, чтобы) явился он павшим под пальцами (моими).

Никогда не порабощал (я) людей всяких там.

(Что) до людей всяких там, с коими (я) сносился там, (то) я умиротворял их. Никогда не провел (я) ночи, дуясь там на людей всяких.

Я был дававшим лекар[ство] (??), одежду, хлеб, пиво, н[агом]у (и) голодному всякому там» (UAR:216—217).

По тому, что «человечностью» при палочных расправах и уважением к «свободе сограждан» составитель надписи похвастается сразу же после того, как подвел итог своему 20-летнему управлению братним хозяйством, можно легко предположить, что в беспощадном избиении и порабощениях посетители гробницы могли заподозрить его именно как управляющего. Это тем вероятнее, что только у нашего бывшего управляющего, состоявшего властелем братнего селения, и областного князя Хънкъв, тоже имевшего в силу своего положения власть над населением, мы вообще встречаемся с самооправданием в возможном порабощении людей, а с заявлением о милосердии при палочных наказаниях только в данном жизнеописании, так как подобные расправы были, можно думать, одним из главных дел управляющих. Потому вполне возможно, что наш управляющий старался обелить себя в глазах читателей от подозрений в порабощении подначального населения, жителей «городца», повадке, очевидно хорошо известной посетителям как раз у такого рода деятелей. Притом, судя по написанию слова «люди» за глаголом «порабощать» тремя изобразительными знаками — двумя изображенницами мужчины и одним изображением женщины, отрицалось не только порабощение женщин, как у Хънкъв, но и мужчин. Если речь шла о порабощении мужчин и женщин из числа жителей деревни («городца»), то положение этих селян было уже само по себе настолько приближенным, что дальнейшее их порабощение могло быть только порабощением в полном смысле слова, т. е. превращением в настоящих рабов.

Таким образом, имеются основания думать, что староегипетское существительное *б'к* было ближе к русскому «раб» в точном его смысле, нежели слово *хъм* в его староегипетском употреблении. Подтверждение тому можно видеть, пожалуй, и в исключительной редкости в Старом царстве имен, сложенных из слова *б'к* и имени того или иного египетского божества, в полную противоположность многочисленности подобных имен с *хъм*. В обстоятельнейшем словаре личных египетских имен Х. Ранке мы найдем всего одно имя, сложенное с *б'к*, от времени Старого царства, притом отмеченное издателем только на

двух памятниках: *Б'к-н-пtxъ «б'к Птаха»*⁹. Очевидно, *б'к* менее годилось тогда для выражения отношения почитателя к своему божеству, чем *хъм*. И действительно, *б'к* было неупотребительно в Старом царстве и для обозначения жрецов. Мне по крайней мере не известно ни одно жреческое титло того времени, которое включало бы в себя слово *б'к*. Может быть, не лишено значения и то, что единственное староегипетское имя с *б'к*, притом засвидетельствованное дважды, выставляет своего носителя как *б'к Птаха*. Бог столичного Мэнфе имел свое особое лицо, отличное от прочих староегипетских божеских образов, потому что его божество — а через него и он сам — было теснейшим образом связано с руководством фараоновской ремесленной промышленностью (см. § 27). Это находило себе отражение и в личных именах. Такое имя, как *H(й)-хъмвт-пtxъ «Тот, кто от мастерства,— Птах»*, могло возникнуть только в кругу представлений, связанных с этим божеством ремесел. Хотя слову *б'к* присущ был оттенок «работник» в не меньшей, если в не большей мере, нежели оттенок «слуга», появление имени с *б'к* на почве почитания «работного» бога того времени, и притом только на ней, не было бы уж неожиданностью. Судя по словарю А. Эрмана—Х. Грапова, глагол *б'к* «работать» засвидетельствован лишь со Среднего царства. Потому нет причины считать занимающее нас староегипетское существительное производным от этого глагола. Напротив, мы имеем здесь скорее обратное развитие — от существительного к глаголу, как и в славянском «раб—работка—работать».

К несчастью, наличные примеры недостаточны для определения различия между словами *хъм* и *б'к* в староегипетском с большей точностью. Это тем досаднее, что и слово *б'к*, как можно было убедиться на ряде примеров, не исчерпывается в своем значении понятием «раб», хотя и больше приспособлено для выражения его, чем староегипетское *хъм*. Очевидно, по одним засвидетельствованным случаям употребления *хъм* и *б'к* нам не установить с достоверностью их смысла в Старом царстве, и проясниться он может, только если удастся иными путями разобраться в положении подневольных людей вообще в те времена. Удобства ради мы будем впредь передавать условно *хъм* как «слуга», а *б'к* как «раб».

§ 8. Последователи (*хтв*)

О существовании в Старом царстве подневольных «последователей» (*хтв*) мы узнаем из письма на тот свет, написанного на полотне около конца VI царского дома. Пишут умершему его вдова с сыном, прося защитить их от обидчиков

⁹ Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Bd. 1: Verzeichnis der Namen. Glückstadt, 1935, с. 91, № 6.

(родственников?), завладевших оставшимся после него имуществом. Письмо довольно длинное, и мы ограничимся приведением мест, имеющих непосредственное отношение к «последователям».

«Сестра, сказывающая брату своему („сестра“ и „брать“ равнозначны здесь „жена“ и „муж“), сын, сказывающий отцу своему: ....Смотри же, *В^ебет* пришла с *Иссий*. Разорил(а?) дом твой, взяла она вещь всякую, бывшую в нем, чтобы укрепить (т. е. обогатить) *Иссий*: возлюбили они сделать убогим сына твоего укреплением сына *Иссий*. Взяла она *Й'ст*, *Йти*, *и*хъ. Смотри, она берет последователей всех величества твоего после взятия бывшего всего в доме твоем. Будет ли сердце твое хладно к тому? Возлюбила б (я), (чтобы) доставил ты к себе (т. е. на тот свет) бывшего здесь рядом с тобой, лучше, чем видеть (мне) сына твоего при сыне *Иссий* (в зависимом положении). ...Да обоснует сын твой дом твой, как обосновал ты дом отца твоего...» (ELDMOMK:I=I A).

Люди, которых забрала обидчица,—три женщины, как видно по сопроводительному знаку женщины под каждым именем и женскому окончанию первого из них. Не приходится сомневаться в том, что эти три женщины или составляли «последователей всех» покойного¹⁰, или входили в число их. Однако «последователями» могли быть и, надо полагать, бывали мужчины, потому что сопроводительные знаки, приданые слову, изображают мужчину и женщину — с последующими тремя черточками множественного числа — и само слово не имеет женского окончания, является мужским и должно читаться во множественном числе. Ниоткуда не следует, что «последователи», имевшиеся в доме вдовы, были только прислужницами, а не производителями. Беззащитные вдова с сыном были, наверно, людьми скромного положения, и трех служанок для удовлетворения одних личных потребностей было б им как будто многовато. Естественно видеть в этих «последователях» трех рабынь, так как их приходят и забирают в другой дом, как прочие вещи, отобранные обидчиками. Чтобы то были подневольные женщины в духе работавших на больших господ и не бывших настоящими рабынями (см. § 6, 7), невероятно ввиду скромного общественного положения хозяев.

§ 9. Долговое рабство

Предположительному распространению этого вида рабства в Старом царстве присваивается иногда решающее влияние в деле порабощения местного населения¹¹, но, строго говоря, у

¹⁰ Gardiner A. H., *Sethe K. Egyptian Letters to the Dead*, c. 2, 16.

¹¹ Ср. в особенности: Черезов Е. В. Социальное положение *тг.т* в храмовом хозяйстве Древнего царства.—Вестник древней истории. 1951, 2(36), с. 40—46.

нас нет прямых указаний не только на распространенность тогда долгового рабства, но даже на само его существование. Это, разумеется, не значит, что его не было, и неоплатные должники, на которых ссылаются в доказательство его распространенности¹², действительно были обычным явлением в конце Старого царства.

Хвалясь благодеяниями, оказанными населению подвластной области, князь Этбо *Мрй.й-рс-нфр* повествовал в своем гробничном жизнеописании: «Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, какого находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома собственного (моего) голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного (мною) в области этой (с) зерновою ссудою от другого за ним, (то) я — возмешавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома собственного (моего). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не (было) сына, в одежде (т. е. саване) из имущества собственного (моего)» (UAR:254—255=ASAE XVII:136).

Окружающие самовосхваления отнюдь не побуждают распространять заявление о погашении зерновой ссуды за должников самим князем из своего имущества на одно только голодное время. Впечатление скорее таково, что князь хвалился постоянною помощью неоплатным должникам, так что они стали уже повседневным явлением, а зерновая задолженность — общественным злом. В таком понимании способно утвердить письмо, написанное на исходе Старого царства неким *Шпсй* на тот свет отцу с просьбою защитить от потусторонних козней покойного же брата и свидетельствующее о распространенности ссуд даже среди ближайших родственников. В письме мы, между прочим, читаем: «...будет ли твориться против меня в присутствии твоем без (чего-либо), сотворенного (или) сказанного сыном твоим там (т. е. мною), братом (моим)? Погреб (я) его, доставил (я) его из И — — —, положил его посреди сотоварищей его по пустыне (=кладбищу), хотя ячменя верхового 30 (?) четвериков (1 „четверик“ = = 4,785 л) было за ним как ссуда: одеяние, *мнв* 1, ячменя верхового 6 четвериков, льна *шн* 1... (?), чаша,— хотя сотворил (я) ему то, чего не было сотворено (раньше). Сотворил он это против сына твоего там (т. е. меня) дурно, дурно, потому что сказал ты сыну твоему там (т. е. мне): „Останется имущество (мое) все за сыном (моим) *Шпсй*“. Смотри, пашни мои взяты *Шр*(?)’овым сыном *Хънв...*» (ELDMOMK:II—II A). Пишиущий являлся наследником всего отцовского имущества, а предполагаемый потусторонний обидчик — обездоленным братом. Общая стоимость ссуды, выраженная, по распространенному в Старом царстве обычью, в зерне, невелика, как невелико и количество суженного: одежда, немного ячменя, немного

¹² Там же, с. 44.

льна, сосуд и какой-то неизвестный предмет. Очевидно, брат-бедняк нуждался в самом необходимом и, заняв у состоятельного брата, так и не мог вернуть до самой смерти. Для жесткости тогдашнего подхода к должнику показательно, что брат вменяет себе в заслугу, что похоронил брата, задолжавшего ему ничтожную ссуду.

§ 10. Иноплеменные невольники

Изображения иноплеменных слуг — большая редкость в ста-роегипетских вельможеских гробницах. Эти изображения легко опознаются по неегипетскому облику изображенных и по надписаниям, выделяющим племенную принадлежность их. Два таких изображения находятся в гробнице *Нс-нфр* и представляют: верхнее — «эфиопа-казнохранителя Снб», нижнее — «эфиопа-проводжатого Мрай» (G III:вкладной лист между 166 и 167). Оба эфиопа с длинными прическами, первый — с боковыми прядками неегипетского образца, второй — с бородкою под подбородком. У каждого по повязке вокруг головы. У нижнего бедра обернуты тканью с петлистым узором, совершенно не по-египетски. Одежда верхнего прикрыта полотнищем с тесьмой в верхнем углу, — несомненно, хозяйственным облачением, которое ему как «казнохранителю», следовательно, слуге, заведовавшему в первую очередь господским бельем (см. § 30), и пристало носить за господином. Соответственно и нижний эфиоп, как подобало «проводжатому», несет через плечо дорожный бельевой мешок, а в руке — ведерко с кистью для омовения или освежения господина в пути¹³. Сходным образом выступает «эфиоп Хърчай» в гробнице Хътп-шьт (DAeAe II:XXIII). Прическа вроде как у «казнохранителя», бородка — как у «проводжатого», вокруг головы повязка, вокруг бедер ткань с неегипетскими перевязями, в руках господские бельевые мешок и обувь, доказывающие, что, хотя и не надписанный так, он все-таки был тоже «проводжатым». По лицу и прическе все три «эфиопа» (*нхъс(й)*), как и следовало ожидать для Старого царства, представители не черных племен, обитавших тогда еще далеко на юге, а близких египтянам так называемых хамитских племен, соседивших с ними по верхнему течению реки. На снимке кожа у первых двух эфиопов темноватая¹⁴, но у третьего коричневато-желтая, резко отличная от красной раскраски египтян.

Кто эти эфиопы — подлинные ли рабы или иноземные слуги, в силу каких-то превратностей судьбы попавшие в услуже-

¹³ Junker H. Giza III. Wien und Leipzig, 1938 (DAWW. Bd. 70, Abh. 2), c. 179.

¹⁴ Junker H. Vorbericht über die zweite Grabung bei den Pyramiden von Gizeh vom 16. Dezember 1912 bis 24. März 1913.—APhKKAW. Jg. 1913, № XIV, c. 22.

ние к египетским вельможам? Раньше, чем ответить на это, уместно будет пересмотреть то, что нам известно о приобретении и использовании иноземцев Старым царством.

Одним из главных, если не самым главным источником притока иноплеменников в страну были победоносные войны с соседями.

«Разорение земли эфиопов; доставка живых пораженных (т. е. пленных, с сопроводительными знаками иноземца и женщины) 7000, скота 200 000», — сообщает летопись под одним из годов царствования основателя IV царского дома *Снфрев* (UAR:236), а под другим отмечает: «Доставлено из земли Ливии: пораженных (с сопроводительными знаками иноземца и женщины) живых 1100, скота 13 100» (UAR:237).

В начале V царского дома фараон *C'хъ-в(й)-рс*увековечил в своем поминальном храме вереницы связанных пленных ливийян, ведомых в дар царю разными его богами и богинями, и свою богиню счета и письма, ведущую запись пленникам, с припиской: «Запись числу пораженных живых, доставленных из нагорья (т. е. неегипетской, недольней страны) всякого» (GKS II:I+V(VI+VII)).

Судя по числам, надписанным тут же (GKS II:I, сп. IV), над изображениями захваченных стад, и учитывая соотношение между взятыми пленниками и угнанным победителями скотом у *Снфрев*, надо думать, что и записываемое нездешнею письмоводительницею число пленных предполагалось очень большим. Надписанные над стадами числа: для крупного рогатого скота — свыше 113 440, для ослов — 213 400, для коз и козлов — 232 415, для овец и баранов — 243 688.

О приводе множества сиро-палестинских пленных времени VI царского дома при *Мрй-рс Пайи I* мы узнаем из победной песни, приведенной в жизнеописании самого полководца *Внй* на поминальной плите:

«Пришло (т. е. вернулось) войско эт[о] в мире (т. е. благополучно) —

перебило оно соединения в ней (т. е. „земле тех, что (обитают) на песке“) в (числе) десятков тысяч многих.

Пришло войско это в мире — [доставило оно соединения (?)] из нее многочисленн(ые) весьма пораженными живыми (т. е. пленными)» (UAR:103—104).

Поскольку, предпринимая поход, «соторило величество его войско из десятков тысяч многих» (UAR:101) и перебиты были враги «десятками тысяч многими», число пленных, укажи его надпись, оказалось бы, несомненно, тоже очень внушительным.

Во времена VI царского дома областной князь южной окраины страны *Пайи-нхт*, по прозванию *Нфр-хъкъ'-йб*, рассказывал в своем гробничном жизнеописании о походе в Северную Эфиопию:

«Послало меня величество владыки (моего) разорить [зем-

лю] *В'вт* (и) *Ирчт*. Сотворил (я) (так), что (мог за то) по-жаловать владыка (мой). Перебил (я) число там большое: властител(ей?), детей (их), распорядител(ей?) воинов гораздых. Доставил (я) число большое оттуда в (царское) местожительство пораженными живыми (с сопроводительными знаками мужчины и женщины), причем я (стоял) во главе войск многих сильных из крепких сердцем» (UAR:133).

Тогда же, в конце правления VI дома, в поминальном храме *Нфр-к'-р^с* *Пай* II были изображены связанные иноземные пленные, как ведомые на привязи каким-то египетским божеством (MFPII II:XXXVI=XXXVIII, ср. также CVII), так и коленопреклоненные (MFPII II:30). Сохранившееся пониже последних число захваченного крупного рогатого скота — не менее 32 200 голов — могло бы указывать, что и пленники предполагались захваченными в большом количестве, и царской богине счета и письма — сохранился лишь самый верх ее изображения и приписки «запись [числ]у — — —» — было, наверно, много дела с занесением всех в ведомости (MFPII II:XXXVI=XXXVIII). Правда, значение этих изображений как свидетельств о действительном приводе тогда многочисленных пленных значительно снижено рабскою зависимостью здесь *Нфр-к'-р^с* *Пай* от своего стародавнего предшественника *С'хъ-в(й)-р^с*: даже имена двух сыновей и жены поражаемого царем ливийского вождя те же, что и добрых два века назад¹⁵!

Другим способом получения иноплеменников была иноземная дань. Судить о том, насколько обильно и равномерно тек этот источник, мы лишены возможности, так как в нашем распоряжении всего одно случайное известие. В летописи под одним из годов царствования основателя V царского дома *Вср-к'ф* было записано:

«— — — — [(какие-то люди — уцелел знак женщины или иноземца)] — — — — .

Приход из (?)...

Поставки (*йнв*), доставленные ими (пирамиде — разумей: ее поминальному храму?) „Чисты места *Вср-к'.ф*“: нагорных (т. е. недольных, неегипетских людей) 70» (UAR:240).

Сопроводительный знак за словом «нагорные» или, может быть, лучше «нагорье» в смысле чужеземной страны/народа изображает женщину или безбородого иноземца с длинными волосами на затылке. Доставка зараз для одного установления людской дани в семь десятков иноплеменников звучит внушительно. К сожалению, неясно, для обслуживания ли поминального храма или для постройки пирамиды предназначались эти иноземцы.

Нехорошо тоже, что нельзя вполне точно выяснить смысл любопытного изображения в поминальном храме преемника *Вср-к'.ф* *С'хъ-в(й)-р^с* (GKS II:XII = отчасти XIII). На северном

¹⁵ Capart J. Memphis à l'ombre des pyramides. Bruxelles, 1930, с. 211.

конце восточной стены обводного прохода показаны были большие египетские корабли (узелели остатки изображений четырех или пяти), стремительно идущие на веслах — с опущенными складными «древами» для парусов — в северном направлении (судя по расположению судов на изображении на север). Никого, кроме египтян — гребцов, кормчих и корабельных начальников, на судах не видно. На южном конце той же стены изображено до десятка кораблей, вернувшихся из плавания, с приподнятыми веслами и кормилами (складные «древа» для парусов и тут опущены). Но к корабельной дружине, легко опознающейся по ее узким ленточным передникам (см. § 18), прибавились теперь другие египтяне в цельных передниках, обернутых вокруг бедер и надписанные каждый в отдельности словом «переводчик», и множество сиро-палестинских иноземцев — мужчин, женщин и детей. Мужчины бородатые, длинноволосые, с повязками на головах и в передниках вокруг бедер. Женщины с такими же прическами и в той же одежде, дети почти все совершенно нагие.

Пришедшие корабли с иноземцами на юге стены и идущие на веслах на севере ее одни и те же и одинаково египетские как по облику корабельщиков, так и по египетским письменам, помещенным на носу и корме. Очень похоже на то, что суда шли — на севере стены — за теми иноземцами, с которыми они — на южной ее части — показаны пришедшими¹⁶. Но кто были изображенные иноземцы?

Неправдоподобно, чтобы то были плленные. Ни на идущих кораблях, ни на вернувшихся нет вооруженных людей. Никто из иноплеменников не связан; воздев руки, они вместе с египтянами славят фараона: «Слава тебе, С'хъ-в(й)-рс, бог живущих! Видим мы доброту (красоту) твою» и т. д.¹⁷. Поэтому П. Монтэ мог предложить другое истолкование изображения, опираясь на темные намеки в приписках к идущим кораблям на приход *нфрт*, долженствующий обеспечить корабельщикам царские пожалования. Под *нфрт* К. Зете готов был разуметь египетскую богиню — не то Хатхор, не то особую Нофре, олицетворявшую, согласно имени, «добро», т. е. добрые вещи, блага¹⁸. Находя странным ожидание прихода какой-то богини к фараону, П. Монтэ предложил видеть в *нфрт* сирийскую царевну, прибывавшую в жены египетскому царю и переимено-

¹⁶ Montet P. Le roi Sahurê et la princesse lointaine.— Mélanges syriens offerts à monsieur René Dussaud. T. I. P., 1939 (Haut-commissariat de la République française en Syrie et au Liban, Service des antiquités, Bibliothèque archéologique et historique. T. XXX), c. 194. О том что изображено отбытие и прибытие кораблей, см.: Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sa'hu-rec. Bd. 2. Die Wandbilder (=Ausgrabungen der Deutschen Orient—Gesellschaft in Abusir 1902—1908, VII=26. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft). Text. Lpz., 1913, c. 25—28, и Sethe K. [Комментарий].— Там же, c. 86—88.

¹⁷ Montet P. Le roi Sahurê, c. 194.

¹⁸ Sethe K. [Комментарий], c. 86—87.

ванную в Нофре («Красавица»). Изображение самой царевны приходилось бы на пропавшую часть стены, а уцелевшие изображения сириян относились бы к сопровождению царственной новобрачной. Иными словами, в староегипетском храме было бы наглядно представлено событие вроде хорошо известных из Нового царства¹⁹.

Однако похожи ли прибывшие иноплеменники на «эскорт» царевны? Почему бы в ее сопровождении преобладали мужчины? Чтобы то были воины, ниоткуда не следует — они совершенно безоружны, а главное — и среди детей преобладают мальчики. Да и вообще, к чему было быть стольким детям в сопровождении царевны? Естественно, конечно, видеть во вновь прибывших не сопровождение владетельного лица, не посольство, а просто сиро-палестинские семьи или преимущественно семьи из мужчин, женщин и детей. Можно было бы, конечно, предположить, что служанки царевны прибыли со всеми своими домочадцами, но это было бы ничем не подкрепленным, головым предположением, к тому же никак не объясняющим преобладания мужчин и мальчиков.

Безоружность иноплеменников не благоприятствует предположению, что они — наемные воины, выписанные с семьями в Египет. Догадка, что это невольники, купленные на чужбине, убедительно отстранена П. Монтэ ссылкою на полное отсутствие каких-либо предметов обмена на судах, плывущих — по этой догадке — покупать рабов²⁰.

Остается только предположить, что иноплеменники — людская дань вроде упоминаемой летописью под царствованием предшественника *C'xъ-b(й)-p^c*, доставленная на египетских судах из какой-то сиро-палестинской местности, не имевшей собственных морских кораблей. Одна черточка на изображении хорошо подходила бы к такому объяснению. Кое-кто из египетских корабельщиков и «переводчиков» пинками в затылок или спину понукает иного недостаточно расторопного иностранца или иностранку склониться поглубже перед фараоном, которого они славят воздетыми руками и возгласами. К иностранному посольству или спутникам царевны корабельная дружина вряд ли смела бы применять такое рукоприкладство. Так обращаться можно было беспрепятственно разве только что с людьми, захваченными или отदанными в неволю.

Возгласы, влагаемые приписками в уста иностранцев и привезших их египтян, славят прежде всего власть египетского царя над зарубежным миром:

«[Слава тебе], *C'xъ-b(й)-p^c*, Добро-Хор (*нфр-хбр*, одно из обозначений фараона), владыка нагорий (т. е. недольных, неегипетских стран) всех!»

«[Слава тебе, *C'xъ-b(й)-p^c*], возлюбленный Тховта, владыка нагорий всех!»

¹⁹ Montet P. Le roi Sahurê, c. 194.

²⁰ Там же, с. 194.

«[Слава тебе, *C'xə-в(и)-р*], возлюбленный [Co]птом
—!»

В том же поминальном храме *C'xə-в(и)-р* «Тховт, владыка зарубежных южан (*йвнтий*)», и «Сопт, владыка нагорий», появляются в качестве богов-покровителей фараона в совершенно недвусмысленно военной связи при «попрании врагов» (GKS II: VIII). «Тховт, владыка нагорий», упомянут и рядом с победным наскальным изображением на Синайском полуострове, показывающим, как другой царь V дома *Нй-вср-р* «поражает» местного жителя и «подавляет нагорья все» (UAR:54=DAeAe II:CLII a). «Владыкою нагорий» назван и сам фараон — последний царь V дома *Внис* — на скале на острове Иэбе, рубеже с Эфиопией (UAR:69).

В данной связи достойно внимания и то, что ныне погибшее изображение царя над изображением отбытия и прибытия кораблей, к которому обращены были приветствия корабельных дружин и иноземцев, на уцелевших скучных обломках тоже содержит намеки воинственного порядка. Впереди отделения царской стражи уцелели слова: «—— молодц(ы) (*нфр*)» и «[п]равый голосом», т. е. «торжествующий»; последнее слово может относиться только к фараону и, если б даже входило в наименование отряда, звучало бы воинственно на изображении, тем более что позади стражников, вооруженных одними палками, стоит «приставленник оружия» (GKS II:XI), присутствующий отнюдь не случайно и на изображении царской охоты (GKS II:XVII).

Вся эта властолюбивая и воинственная обстановка была бы малоуместна, если бы изображено было плавание для покупки рабов. Не к чему было б, пожалуй, так выставлять вперед любовь к царю его военных богов, которой приписывались его боевые и поработительные успехи, если б имели в виду такое мирное событие, как приезд из-за границы царской невесты. С другой стороны, однако, иной возглас приезжих звучал бы несколько неожиданно, издавай его пленные, взятые на войне, например уже приводившийся возглас: «Слава тебе, *C'xə-в(и)-р*, бог живущих! Видим мы доброту (или: красоту) твою!» Быть может, действительно положение дела лучше всего выражало, к несчастью, не уцелевшее сполна приветствие: «Слава тебе, *C'xə-в(и)-р*! Сопровожда[ем мы тебя (?)】 (GKS II:XII). «Сопровождать» (*шмс*) означало также «служить», и возглас мог выражать намерение приезжих, в том числе иноземцев, верно служить фараону. Если эти иноплеменники были переданы ему в порядке дани, намерение служить новому господину было бы в глазах египетского двора, несомненно, им к лицу. Преклонение перед властью фараона над чужеземцами, добытой, естественно, военным путем, и рабские восторги были бы тогда без труда мыслимы в одних и тех же устах, по крайней мере для составителей надписи.

Остаются еще приписки к отбывающим судам, давшие

П. Монтэ повод к объяснению изображенного события как прибытия в жены египетскому царю иностранной царевны. Вопрос вертится вокруг значения слова *нфрут*, а это значение как раз и не может быть точно определено. С внешней стороны решительно ничто не побуждает видеть в *нфрут* женское существо, будь то староегипетская богиня или сиро-палестинская княжна: при втором *нфрут*, которое принимают за обозначение таковой особы, нет никакого сопроводительного знака, в том числе знака женщины, который бы изобразительно намекал на содержание слова. Второе *нфрут* написано точь-в-точь, как первое, ему непосредственно предшествующее, в котором никто никогда не усматривал наименования человеческого существа. Каков бы ни был точный смысл сочетания *впй-с*, дословно «отделять положение», с которого начинается одна из приписок, *вп-с* и *нфрут* должно обозначать начало предприятия «в добре». К. Зете основательно сопоставляет²¹ с этим выражением староегипетское личное имя *Впв-м-нфрут* (EG II: между 190 и 191) «начато добром». Невольно хочется понять два рядом стоящих и одинаково написанных в приписке *нфрут* одинаковым образом, тем более что, как указано К. Зете, слово *нфрут* притом в том же написании, встречается дважды в самом же храме со значением «добро» в смысле «добрые вещи»²². «Доставляю (я) тебе добро всяческое», — говорит покойному царю раз какой-то бог (GKS II:LXVII), другой раз — слово «доставляю» повреждено — одно из владений, олицетворенное в виде доставщицы жертвоприношений (GKS II:XXVIII). К. Зете готов был допустить, что второе *нфрут* в занимающей нас приписке, которое он считает именем богини — Нофре, тоже значило «добро» или «блага», только олицетворенные в виде божеского существа²³. Существование при том же *C'хъ-в(й)-рс* богини по имени Нофре доказывается названием одного из царских владений: «Двор „Любит-Нофре-С'хъ-в(й)-рс“» (R:XXXIV), приведенным тем же исследователем²⁴. Если во втором *нфрут* изучаемой приписки видеть не имя одной из человекоподобных государственных богинь, а только олицетворение «добра» или «благ», можно отклонить и справедливое возражение П. Монтэ, что нельзя себе представить, чтобы речь шла о действительном приходе какой-то богини к царю. Но «добро» или «блага» могли очень хорошо к нему приходить, и обе спорные приписки можно было тогда передать так:

«Начато добром. Добро — придет (=вернется?) оно сюда к *C'хъ-в(й)-рс*, сыну солнца (в итоге плавания?)».

«— [не]бо (?). Придет оно (Добро), через (то, что) уходим мы, (и) даст оно, чтобы пожаловали нас (т. е. моряков, с которыми Добро придет к царю)» (GKS II:XI).

²¹ Sethe K. [Комментарий], с. 86.

²² Там же, с. 87, примеч. 1.

²³ Там же, с. 87.

²⁴ Там же, с. 86.

На худой конец приписки подходили бы в такой передаче к судам, отбывающим за данью, хотя предполагаемый ее человеческий состав не очень подходит к слову «добро». Если бы эта Нофре была та же, что «Нофре, дочь бога большого», пирамидных надписей, на которую также указывает К. Зете²⁵, подчеркивание сыновней связи царя с солнцем было бы легко объяснимо.

Но что происходило в Египте со взятыми в плен или доставленными в виде дани иноземцами? Как их использовали египтяне? Естественно предположить, что по меньшей мере часть добытых так иноземцев использовалась на производственных работах, однако прямых указаний на это нет, если не считать летописного известия о доставке к пирамиде царя *Вср-к' ф* 70 иноплеменников. Правда, и тут при желании возможно предположить, что они предназначались в служители или стражники, но не в работники-производители. Однако это малоправдоподобно, потому что 70 человек — значительная рабочая сила, а запись относится ко второму году царствования *Вср-к' ф* («год после раза первого счета быков»), когда пирамида и поминальный храм царя как действительные установления еще не существовали и только могли быть начаты постройкой. Поэтому естественнее полагать, что семь десятков вновь поступивших иноземцев были направлены на строительные работы — на постройку пирамиды.

В обельной грамоте времени VI царского дома, времени *Мрй-р^с Пай I*, данной городу при двух пирамидах *Снфров*, читаем следующее:

«Приказало величество (мое) не давать пахать пашню двух (припирамидных) городов этих с уборкою ее эфиопу мирному всякому, помимо *хнт-ш* двух (припирамидных) городов этих.

Приказало величество (мое) не брать *хнт-ш* всяких двух (припирамидных) городов этих, пришедших к месту подчинения (?) их (или) имеющих прийти к месту подчинения (?) их, людям всяким (или) эфиопам мирным всяким к тем, у кого были они, не имеющим грамоты (т. е. права) на них» (UAR:211).

«Приказало величество (мое), чтобы не выходили эфиопы мирные всякие творить уборку (урожая) в двух (припирамидных) городах этих.

Приказало величество (мое), чтобы не входили люди всякие, которые у эфиопов мирных этих, жречествовать во храме двух (пирамидных) городов этих, взимать месяц (т. е. приносить месячную жертву) во храме двух (припирамидных) городов этих, есть долю всякую во храме двух (припирамидных) городов этих» (UAR:212).

Кто эти «эфиопы мирные»? Определение «мирные» могло бы навести на мысль, что это плenники, превращенные, скажем,

²⁵ Там же.

в стражников или воинов. В гробнице *Xətp-xər'-xt* (й) ведомый к хозяину козерог назван «козерогом мирным» (*ni'xətn*), т. е. ручным (DAR:XIX). Но если бы египтяне и смотрели на своих эфиопов как на «ручных», рабами они от этого еще не были ни по положению, ни по происхождению. В противоположность земледельческой «чади» (*mrt*), которой тоже возбранено давать городскую землю для обработки, но которая различена по владельцам («чадь» царицы, царских детей, сановников), «эфиопы мирные» не отнесены ни к каким хозяевам, более того, при них самих могут быть какие-то люди, которые не должны жречествовать и кормиться от жертв во храме, да и сами эфиопы, нагрянув на городскую землю, собирали бы урожай, по-видимому, в собственную пользу. Тем самым общественное положение «эфиопов мирных» совсем не напоминает рабское, но у нас есть возможность установить их положение еще точнее и вместе с тем сделать весьма сомнительным и само происхождение их из пленных.

В начале обельной грамоты перечислены должностные лица, к которым она как царский указ обращена. В конце перечня названы «наставник(и) переводчик(ов), распорядители (эфиопов) *Mдж'*, *Им'* (и) *Ирчт* ——». Представителями этих североэфиопских племен, которые здесь имеются в виду, несомненно, и являются те «эфиопы мирные», о которых говорится в грамоте в дальнейшем. Из всех уцелевших указов Старого царства только в этой грамоте названы вначале «наставники переводчиков» и «распорядители» эфиопов, и только ее постановления касаются «эфиопов мирных». Место возбраняемых грамотою действий лежит далеко от родины эфиопов — две пирамиды *Снфров* находятся близ стыка Низовья с Верховьем, — и «распорядители» *Mдж'*, *Им'* и *Ирчт* — египетские должностные лица, хотя бы и иноземного происхождения, но никак не эфиопские племенные вожди. Эти последние обозначаются в надписях не словом «распорядитель» (*ймй-р'*), а «властитель» (*xəkəb'*): «властители *Ирчт*, *B'v't*, *Им'*, *Mдж'*» (UAR:109), «властители *Mдж'*, *Ирчт*, *B'v't*» (UAR:110), «властители *M[дж']*, *Ирчт*, *B'v't*» (UAR:111), «властитель *Им'*» (UAR:125, 126 дважды), «властитель *Сч'в*, *Ирчт*» (UAR:125), «властитель *Ирчт*, *Сч'в*, *B'v't*» (UAR:126, 127); ср. эфиопских же — *B'v't* и *Ирчт* — «двух властителей нагорий (т. е. недольных, неегипетских стран) этих» (UAR:134) и «детей властителей» (UAR:133, 134). Правда, эфиопские военачальники — а таковыми надо считать «распорядителей *шнв*» (UAR:133, 134) — могли обозначаться словом «распорядитель», но не тех или иных эфиопов, а *шнв* (очевидно, обозначение воинов), и отличались от «властителей» соответствующих племен: «дети властителевы, распорядители *шнв* горазды» (UAR:133), «два властителя нагорий этих..., дети властителевы (и) распорядители *шнв*, которые (были) с ни[ми]» (UAR:134). Для египетских же военачальников обозначение «распорядитель войска»

было общепринятым, ср. также редкие военачальнические обозначения: «распорядитель *мнф'т*», «распорядитель *х'*» (JEA XXXIX:32—47). Но хотя и оторванные от родной почвы и поставленные под начальство не своих племенных вождей, «эфиопы мирные» делились, по всей видимости, на отряды по племенной принадлежности, так как «распорядители *Мдж'*, *И'м* (и) *Ирчт*» названы во множественном числе и племенные обозначения подчиненных отражены в начальнических титлах.

О том, что в Старом царстве эфиопы включались в состав фараоновских войск совершенно мирным способом, не из числа пленных, нам хорошо известно. В своем жизнеописании на поинальной плите вельможа *Внй* так описывает состав египетского ополчения при *Мрий-р^с* *Пий I* в начале VI царского дома:

«Возбранило величество его вещи (т. е. дела, иначе: покорало) сирийцам, что на песках (пустынь). Сотворило величество его войско из десятков тысяч многих в Верховье в совокупности его, на юге от Иэба, на севере до XXII области, в Земле низовой, в обеих половинах дома (т. е. низового царства) в совокупности их, в крепости (?), внутри крепостей, из *Ирчт*-ских эфиопов, *Мдж'*-ских эфиопов, *И'м*-ских эфиопов, из *В'в't*-ских эфиопов, из *К'в*-ских эфиопов, в земле ливиян.

Послало меня величество его во главе войска этого, а князья, а печатники низового государя, а друзья единственные двора большого (т. е. высокие придворные чины), а (областные) главы, властели дворов Верховья (и) Земли низовой, (царевы) „друзья“, распорядители переводчиков, распорядители слуг божьих (т. е. жрецов) Верховья (и) [Земли] низовой, распорядители половины дома (хозяйственных управлений) (были) во главе соединений Верховья (и) Земли низовой дворов, коими властвовали они, (и) эфиопов нагорий (т. е. недольных, неегипетских стран) этих» (UAR:101—102).

Из приведенного отрывка следует не только то, что вспомогательные эфиопские силы входили в состав египетских вооруженных сил, но и то, что даже в таком, временном ополчении эфиопские воины подчинялись египетскому начальству. Совместного движения египетских и местных отрядов в самой Эфиопии касается в своем гробничном жизнеописании князь южноегипетской окраинной области *Хв.ф-хър*, но из его рассказа не вытекает, что эфиопы входили в состав его войска или подчинялись бы ему: «И увидел властитель *Ирчт*, *Сч'в* (и) *В'в't*, (как) крепко (и) многочисленно (было) соединение *И'м*, спускавш[ее]ся со (мною) (на север), к (царскому) местожительству, вместе с войском, посланным со (мною)» (UAR:127).

Таким образом, нет никакой необходимости считать, что эфиопские стражники или воины, несшие в Низовые постоянную воинскую службу, были из пленных, а не были вызваны фараоном мирным способом. Конечно, не исключено, что иногда могло иметь место и обратное.

Однако вернемся теперь к давным-давно покинутым нами эфиопам-прислужникам из вельможеских гробниц. Были ли то пленники, или царские пожалования из числа людской дани, или, наконец, вольные приезжие? Царевич *Хътп-сш'т*, равно как и «распорядитель крепостей», следовательно, причастный к военному делу областеначальник *Нс-нфр*, в чьих гробницах изображены эфиопы-прислужники, были людьми, которые по своему общественному положению могли легко получить в дар от царя иноземных невольников, а *Нс-нфр* даже самолично взять в плен. Но в силу своей должности «распорядитель крепостей» мог иметь в личном услужении вестовых из подначальных эфиопов-воинов. Как было отмечено, один из его эфиопов, с дорожными принадлежностями, прямо назван «проводжатым», что хорошо подходило бы к вестовому.

У нас нет возможности определить, каким способом эфиопы попали к двум названным вельможам, но кое-что можно привести в пользу того, что их эфиопские слуги были рабами. Прежде всего, староегипетские «проводжатые» никогда как будто не выступают на памятниках с оружием или в воинском наряде; в Старом царстве они изображаются мирными слугами (см. § 7, 8). Эфиоп царевича и «проводжатый»-эфиоп «распорядителя крепостей» одинаково несут дорожные принадлежности своих господ, но титул царевича не содержит намеков на военную деятельность его носителя (DAeAe II:XXIII). Вдобавок у самого «распорядителя крепостей» второй эфиоп назван «печатником», т. е. «казнохранителем», и, как доказывает полотнище в его руках, подобно другим вельможеским «казнохранителям», ведал господским бельем; военным он, значит, никак уж не был. Далее, обоих эфиопов у «распорядителя крепостей» роднит помимо происхождения и службы еще одна, притом очень существенная черта: оба носят хорошие египетские имена. Имя «казнохранителя» — *Снб* — значит «здравяк», имя «проводжатого» — *Мрай* — «любимец». Поскольку эфиоп у царевича носит неегипетское имя — *Хърчай*, довольно правдоподобно, что те два эфиопа оказались у одного хозяина, оба с египетскими именами, потому что ему заблагорассудилось их так переименовать. В позднейшие времена переименование иноземных рабов на египетский лад было обычным явлением, и естественнее всего и в нашем случае предположить, что египетские имена иноземным слугам, упорно сохранявшим собственные прическу и одежду и, следовательно, совсем не стремившимся казаться египтянами, были даны потому, что они являлись людьми подневольными, скорее всего настоящими невольниками. И переименованы были они уж никак не потому, что один из них мог бы быть из вспомогательного эфиопского отряда. Ведь эти отряды составлялись, как мы видели, по племенному признаку, и воины в них, надо полагать, сохраняли свои имена. Наконец, некоторым наглядным подтверждением правильности изложенных соображений служит как будто само

окружение эфиопских изображений у *Нс-нфр*. Слуг у него изображено на одном косяке только четверо. Все изображены одинаково с хозяйственными должностями, вверху друг над другом оба эфиопа, внизу друг под другом два карлика. Как у каждого из тех надписано «эфиоп» и имя, так у каждого из этих надписано «купленник» и имя. «Купленники» же (*йсв/йсвв*) являются покупными рабами (см. § 11).

§ 11. Купленники

Прямое отношение к вопросу о рабстве имеет любопытный, но замысловатый памятник — ложная дверь «того, кто при вещи царевой», *Тф-х'х'* (SPhE:I). Он состоял «настителем (т. е. умывальщиком) царевым» и «наставником (*схъдж*) (тех), кто при вещи, житницы, предводителем (*xpn*), мерильщик(ов зерна)». Его имя можно прочесть как *Ит-х'х'* «Отец-веяльщик», или *Ит.ф-х'х'* «Отец его — веяльщик», или даже *Ит-х'х'(в)* «Отец веяльщик(ов)», но, так или иначе, глагол *х'х'* «веять (зерно)» входил в состав имени и его носитель не только по своим должностям, но и по наследству мог иметь отношение к деятельности, связанной с зерном. Сановником он отнюдь не был: в хозяйстве должность «наставника» — должность второстепенная, а «предводителя» — третьюстепенная. Тем не менее это был человек с известными возможностями, соорудивший себе гробницу и снабдивший в ней ложную дверь множеством изображений и надписей: «Сотворил (я) в силу бытия (моего) в чести у владыки (моего) (судя по определителю, не царя?). Дал (я) славить за меня мастерам бога, творящим то, что под богом (т. е. кладбище, кладбищенские сооружения), за то, именно — вознаграждение соответствующее».

Вверху плиты заупокойная надпись. Под нею хозяин с женой за трапезой, а слева и справа — по сыну. Под хозяевами переведенная только что надпись, а слева и справа от нее — еще по сыну. Ниже налево от собственно «двери» (вверху ее краткое титло хозяина) четверо сыновей, а над первыми двумя — «загадочная» надпись о *йсвв* и слугах двойника. Под сыновьями одни над другими шесть мужчин и восемь стоящих женщин и внизу — молольщица на коленях. Справа от собственно «двери» четыре женщины и двое мужчин с ношами и шесть женщин и один мужчина, приготовляющие хлеб и пиво («заповедник» — см. § 26). Над четырьмя верхними женщинами повторена та же «загадочная» надпись, что и над двумя сыновьями. Внизу ложной двери полное титло хозяина.

«Загадочные» надписи слева и справа почти тождественны: «*Йсвв* (определители мужчины и женщины) собственные (мои). Достал (я) их за вознаграждение, (причем) запечатлены они в договоре, что от *хт*, из желания, чтобы возглашали они (т. е. приносили заупокойную жертву) (мн)е (левая над-

пись опускает „(мн)е“) в (том), что под богом (т. е. на кладбище). Следует еще одна строка: «Слуги двойника (и) служанки и двойника (т. е. заупокойные жрецы и жрицы)».

Однако эта добавочная строка не составляет одного целого с предыдущими тремя строками ни слева, ни справа: она отделена от них на всем своем протяжении небольшим промежутком справа, но очень заметным слева (шириною в половину высокого знака). Тем самым надписание, в котором говорится о заупокойных жрецах и жрицах, ограничено каждый раз от надписания, толкующего о йсв.

Подобное разграничение наблюдается и среди изображенных лиц, не принадлежащих к хозяйствской семье. Все мужчины, за исключением одного, стоят или идут и никакой производственной деятельностью не заняты, что еще подчеркнуто тем, что половина их стоит, в знак бездеятельности прижав руку к груди, а другие четверо шествуют с легкими поясами: тощим мешком, перекинутым через плечо, с каким-то предметом под мышкой, с маленьким животным в руках или с каким-то кругом. Исключение составляет пекарь, присевший около своей печи и пекущий хлебы, прикрыв лицо ладонью от палящего жара.

Всего отчетливее разграничение среди женщин. Две из них толкуют зерно в громадной ступе, три мелют его на зернотерках, одна просеивает сквозь сито, две протирают через решето мокрый хлеб в сосуд. Две женщины несут на головах тяжелые корзины с припасами, одна несет на голове большую корзину или ящик, и лишь одна несет кадильницу или сосудик с шариком,— должно быть, фимиама. Из восьми стоящих слева от собственно «двери» женщин семь ничего не держат, ничего не делают и в знак бездеятельности, как и четверо мужчин, прижимают руку к груди, и только одна поддерживает рукою примкнутый к плечу ларец. У всех занятых производственной работой женщин волосы на затылке подстрижены, а у четырех с ношами на головах и у их спутницы с кадильницей даже вовсе сострижены. Напротив, у других восьми, в том числе и у той, что с ларцем, волосы ниспадают на плечи. Все мужчины надписаны своими именами. Все женщины с подстриженными и состриженными волосами также подписаны, но ни одна длинноволосая женщина не надписана. Это тем примечательнее, что ребенок, стоящий подле одной из молольщиц, надписан своим именем.

Стоящих мужчин восемь. Шестеро из них— по левую сторону собственно «двери», двое— по правую (с маленьким животным и с кругом), но они отделены от четырех носильщиц, изображенных над ними, широким промежутком, подобно тому как обе надписи о заупокойных жрицах отделены от надписей о йсв. Длинноволосых женщин тоже восемь (они все налево от собственно «двери»). Трудно удержаться от заключения, что эти восемь мужчин и восемь женщин— мужья и жены и что они и есть заупокойные жрецы и жрицы. Но стоит

прийти к такой мысли, как сразу же станет понятным, почему ни одна из длинноволосых женщин не надписана своим именем — в противоположность и мужчинам, и всем прочим женщинам, и даже ребенку одной из них. Договоры заключались с заупокойными жрецами (см. § 12), а не с их женами, что, конечно, не исключало привлечения к исполнению жреческих обязанностей также домочадцев нанимаемых глав семей. «Не даю (я) быть [в]ластными [детям (моим), братьям (моим)], сестрам (моим), потомкам всем, наставникам слуг двойника, надзирателям слуг двойника, [слугам двойника всем в пашне], людях, вещи всякой, сотворенных (мн)ою им (т. е. заупокойным жрецам), чтобы возглашать (т. е. приносить заупокойную жертву) (мн)е с помощью (их), (а также) в работнике и[х], в работнице их, в] братьях их, в сестрах их помимо возглашения — — —» (UAR:11—12). Имен жен нанятых заупокойных жрецов работодателю было совсем необязательно знать. Имена их мужей он знал наперечет, равно как и имена своих «йсвъ собственных».

Но кто же были эти *йсвъ*? Издатель нашего памятника считал их рабами²⁶. Х. Гёдике видел в них наемных работников²⁷. Но может статья, что истина лежит где-то посередине между этими крайними мнениями.

Не приходится сомневаться в том, что слово *йсвъ* произведено от существительного *йсв*, которое словарь передает как «замена, вознаграждение, возмещение» (*Ersatz, Lohn, Entgelt*)²⁸. Слово *йсв* — не редкость в надписях Старого царства, причем древнейший пример, восходящий ко времени первого царя III царского дома, представляет собой «вознаграждение» в несколько отвлеченном, не просто вещественном смысле. Десять богов города Она говорят: «Дом (т. е. храм) этот добр — — — весьма. Сотворил он (т. е. царь) это — — —. Дадим мы ему жизнь всяческую от нас. Дадим мы ему процветание всяческое от нас. Дадим мы, чтобы сотворил он празднества тридцатилетия (т. е. юбилеи). Сотворим мы ему возмещение (*йсв*) этого, [сотворенного им нам], вещью всякою, возлюбленною им. Сказ[анное им все будет сотворено]» (UAR: 153).

Другие староегипетские надписи употребляют слово *йсвъ* в смысле вполне вещественном.

В переведенной только что надписи слово «возмещение» сочетается с глаголом «создать»: *йрй йсв* «создать возмещение». В таком сочетании слово *йсв* встречается позже. «(Тот), кто при вещи царевой (?), старшина чертога, *Мр-вй-к'*, сказы-

²⁶ Abd el-Mohsen Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt. Le Caire, 1952 (Supplément aux Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Cahier № 18), c. 14.

²⁷ Goedicke H. Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich. Wien, 1970 (Beihefte zur Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes), c. 157, 184, 209.

²⁸ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 1, c. 136.

ваєт он: Сотворил (я мн)е гробницу эту из имущества праведн(ого). Славили за (мен)я мастер(á) бога за сотвор(ение) возмещения — — —» (G IX:75+73). «Чиститель (т. е. умыватель) царев *Мий* сказывает: Дал (я), чтобы сотворены были извания э(т)и ваятелем, (причем) был умиротворен он (т. е. остался доволен) возмещением их, сотворенным (мн)ою ему» (UAR:225). В виде не прямого, а косвенного дополнения слово *йсв* употреблено после глагола «сотворить» в надписи заупокойного жреца на гробничной притолоке его сановного хозяина: «Завещание. Слуга двойника *Хънмти* сказывает: Дал меня владыка (мой) в отрока (? — т. е. помощника?)²⁹ слуге двойника, но сотворил (я) ему дверь эту с возмещением свертком полотна (и) вышел через нее в слугу двойника» (ASAE XLII:32; при предложенном здесь предположительном переводе становится понятным внимание жреца к чужой гробничной двери: она была сооружена им за тюк полотна и послужила к возвращению).

Более часто слово *йсв* сочетается с глаголом *рдй* «давать». «Дай возмещение!» — говорит рыботорговец покупателю (ASAE XXXVIII:XCVI). «[Д]ай, чтобы посмотрел (я). Дай возмещение», — обращается продавец овощей, протягивая руку за бусами, предлагаемыми в обмен покупателем (DAeAe II:XCVI). *Мр-снх.ф* — «сказывает он: (Что) до мастеров всех, сотворивших работу (мн)е, то дал (я), чтобы славили (т. е. молили) они за (мен)я бога за возмещение, данное (мн)ою им» (EG III:16).

Сочетание *рдй р йсв* «дать в возмещение» значит «продать»³⁰. Безвестный сановник времени IV царского дома пишет в распоряжении о своих заупокойных жрецах: «Не даю быть властни слуге двойника всякому собственному (моему) в (от)-даче пашни, людей, [вещи всякой, сотворенных (т. е. выделенных) (мною) им (т. е. заупокойным жрецам), чтобы возглашать (т. е. приносить жертву (мне)] с помощью их в возмещение людям всяким (т. е. любым) (и) в (пере)даче по завещанию людям всяким (т. е. любым), кроме как, если да[ут они детям своим], тому, кто поделится со слугою двойника имярек из слуг двойника этих» (UAR:12—13). Сходным образом выражается в своем распоряжении *Снв-снх*: «Не даю (я) быть властни и[м в дач]е в возмещение (или) по завещанию людям всяким (т. е. любым)» (UAR:36).

Более частым в староегипетских надписях является сочетание *йнй р йсв* «достать за возмещение», т. е. «купить»³¹. Мы находим его уже в жизнеописании сановника *Мчн* самого начала IV царского дома, притом дважды, в двух тождественных предложениях. «Достал он (т. е. *Мчн*) за возмещение пашни сот (мера площади, равная примерно 2735 кв. м) 200 у *свтйв* (или *ий-свтйв*) многих» (UAR:4=AIKMB:74=DAeAe II:6; в.

²⁹ Там же, Bd. 4, с. 436.

³⁰ Там же, Bd. 1, с. 131.

³¹ Там же.

другой надписи пропущен предлог *p* «за», AIKMB:79 = DAeAe II:3). Оставляя в стороне вопрос о том, кем были «многие» землевладельцы, коснемся языковедческой «трудности», представляющей приведенным (обычным) переводом. Всякому занимавшемуся древнеегипетским языком хорошо известно, что не только подлежащее, но и прямое дополнение предшествует дополнению косвенному. В приведенном же переводе косвенное дополнение предшествует прямому: «достал он за возмещение сот 200», а не «достал он сот 200 за возмещение». Это породило сомнение в правильности перевода, а то даже отказ от него. Тем не менее перевод верен, если даже и противоречит школьным правилам. Стоит лишь пробежать глазами староегипетские летописные записи, чтобы убедиться, что они полны нарушений данного правила, притом в оборотах, очень близких к тем, что у *Ман* (см. UAR:237—249). Например, «царь (и) государь *Вср-к'.ф*, сотворил он как памятник свой для Рэ пашни сот 44 в областях Земли низовой (и) пашни сот 44 для Хатхор в областях Земли низовой» (UAR:241); «[царь (и) госу]дарь *С'хъ-в(й)-р*^c сотворил как памятник свой для Рэ в (его святилище) *Снет* жертв божьих ежедневных 138» (UAR:24); «доставлено из земли Ливийской плленных 1100, скота 3100 (голов)» (UAR:23). Последний пример времени царя *Сифрв*, современника *Ман*.

В прочих случаях употребления словосочетания «достать за возмещение» правило не нарушено. Так, на камне из Мэнфе: «— — — двор двойника (один из видов частновладельческих селений, см. § 17) этот, что достал (я) за возмещение у сластника *Пр-хър-нфрт* (в размере) (1) сот за 30 *шт* (мера стоимости), даю (я) ее д[очер]и (моей), что при ве[щи] царев[ой] (?) — — —». На плите времени VI царского дома читаем: «Достал (я) дом этот за возмещение у писца *Чнти*. Дал (я) *шт* 10 за него: четверной ткани 1 (отрез) — *шт* 3, кровать 1 — *шт* 4, двойной ткани 1 (отрез) — *шт* 3» (UAR:157). В надписях на изучаемой нами ложной двери: «*Исв*ственные (мои), достал (я) их за возмещение» и т. д. (см. выше). На приголоке гробницы «(того), кто при вещи царевой, друга дома большого (т. е. дворца) *Рдй.н-пхъ*» «сказывает он: Достал (я) это (на?) (том), что под богом (т. е. кладбище) за возмещение. Ни разу не сотворил (я)* (того), что (было) там (т. е. похороненного там покойника)» (GR:VII A).

Нельзя сказать, чтобы передача египетского *исв* русским «возмещение» хорошо подходила ко всем случаям, но если и не совсем гладко, то как-никак получается вразумительно. А подкупает такая передача в особенности потому, что в одной староегипетской надписи вместо слова *исв* употреблено слово *джб'* в «замена, платы»³², производное от глагола *джб'*

* У написанного далее слова *шт* плохо воспроизведен определитель, поэто-му Ю. Я. Перепелкин воздержался от перевода слова.

³² Ertman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 5, с. 558—560.

«заменять, воздавать за» (*ersetzen, vergelten*)³³. В своей гробнице сановник *Rmnv-k'* пишет: «Сотворил (я) гробницу эту за хлеб (и) пиво, данные (мною) мастерам всем, сотворившим гробницу эту, причем же дал (я) им возмещение (*джб'в*) в большом (количестве) весьма тканью всякою, требовавшейся ими. Славили они бога за то» (EG II:LXI 2=173).

Итак, будем передавать слово *йсв* как «возмешенец». Но мы по-прежнему не знаем, кем же были эти *йсв*. Первое, что приходит на ум, это, естественно, то, что они были рабами: куплены и занесены в соответствующие книги. Но наши, вместе взятые, составляют не что иное, как хлебопекарное и пивоваренное производство, иными словами, перед нами работники такого производства.

---

³³ Там же, с. 555—556.